

Два способа «быстрого реагирования» в педагогической риторике

Мурашов Александр Александрович, — главный редактор издательского отдела Педагогического Общества России, доктор педагогических наук.

Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся. В том числе реагированию в нестандартных ситуациях, когда общение в принципе невозможно из-за помех, а диалогические посылы по сути антидиалогичны. Нужно учительское «противоядие». Оно иногда приобретает очертания подавляющей речевой (риторической) технологии, которая возможна лишь при условиях, что причиной коммуникативного кризиса оказывается большинство учащихся класса и педагог риторически (значит, и этически) верно организует подъём личного статуса после его вынужденного занижения.

Учитель не торопится соглашаться или возражать, не оправдывается, признавая собственную ошибку, говорит спокойно и ровно. Необходимо резко изменить сложившийся резистентный фон аудитории, чтобы было возможно оптимально общаться. Для этого можно использовать модель блицопроса и блицсообщения, если она уже знакома учащимся. Цель речевой технологии — подавить агрессивные и эпатирующие комплексы, чтобы, ставя конкретные цели и раскрывая пути их достижения, привести деформированную Я-концепцию к намеченному диалогическому и когнитивному уровню.

Технология крайне опасна: если положительные идеалы не преподносятся в конкретной форме, класс, во-первых, в одночасье станет агрессивной толпой с искажённой мы-концепцией, заведомо обращённой против учителя; во-вторых, искусственно сформированная конформность может привести к поиску лидера, вожака на стороне, чем чревато всякое состояние растерянности. Если подросток подавлен негативными домашними обстоятельствами, пребывает в недоумении после несправедливо выставленной двойки, необходимо увидеть идиосинкразическое восприятие мира, резкое занижение уровня притязаний и вовремя применить повышающую аргументацию. Когда этого не происходит, человек оказывается втянутым в асоциальную группу и бессознательно совершает поступки, дать оценку которым может не сразу.

Технология имеет смысл при следовании от позиции «подавление» (собственно сентиментальный риторический пафос) — через статус «Я-как-оптимальное» (реалистическая учительская позиция) — к идеалу, построенному на общечеловеческих ценностях (романтический пафос). Подавляющая технология ради самого подавления без последующего обращения к положительным установкам, — преступление против личности. В конформном состоянии подросток готов следовать любым посылам; старший, взявший на себя смелость быть лидером общения, становится в эти минуты влиятельной инстанцией, его речь не критикуется, его идеи воспринимаются ребятами как собственные. Основные элементы технологии направлены к тому, чтобы восстановить продуктивный диалог, исключив отрицательные ориентиры, принятые аудиторией в данный момент.

Полное спокойствие и подчёркивание демократического характера общения приходят в противоречие с неожиданностью и дискретностью вызова учащихся, его кажущейся непредсказуемостью, умением перебить вопросом, внешне не имеющим отношения к теме. Право на продолжение фразы может быть быстро передано другому; молчаливых пауз не допускается.

Вопросы задаются в быстром темпе; фамилии вызванных произносятся в той же тональности, что и остальной текст. Вопросы предполагают только один ответ, определённый параметрически; дискуссионные послы аудитории игнорируются. По окончании короткого ответа учитель, не изменяя ритмико-интонационные параметры и не комментируя, выставляет оценку, за которой следует очередной вопрос. Но помним: это — оперативное вмешательство в душу, ответственность за которое диктуется безальтернативностью ситуации.

При обращении учитель, иногда стоя недалеко от конкретного ученика, смотрит сверху вниз, разрешая сидеть: в этом положении общение затруднено «асимметричностью» зрительного канала. Взгляд от отвечающего не отводится. Лицо педагога кажется бесстрастным, общение не интонируется: по мимико-жестикационным особенностям невозможно «прочитать» личность.

Иногда применяется метроном: для увеличения темпа урока учитель предупреждает, что пятый удар метронома при отсутствии ответа — команда садиться и одновременно выставляется двойка. Услышав жалобы на неготовность, мнемонические затруднения, педагог произносит: «Не волнуйся!», «Успокойся!», «Не надо нервничать!», что приводит класс в гипнотически-лабильное состояние.

Вызов кажется непредсказуемым и в проксиматическом смысле: слово даётся ученикам, сидящим в разных частях класса; они лишены возможности предвосхитить очередной логический ход учителя. Если кто-либо отвечает вопросом, учитель также вопросительно реагирует, оставляя за собой риторически выгодную позицию «спрашивающего». Сильным учащимся даётся слово лишь в конце блицвопроса.

Внутренняя собранность и хладнокровие, спокойное отвержение любых намёков на полноценный диалог, внешняя алогичность выдвигаемых без какого-либо очевидного порядка положений — основа технологии.

Монолог при подавляющей технологии основан на терминологизированном преподнесении информации, имеющей абстрактный характер. Конкретность информационного потока, немедленно привлекающая при этом внимание, служит только одной цели — зрительно закрепить понижающую аргументацию, убедить аудиторию в её дилетантизме, о чём нигде открыто не упоминается. Монолог ведётся неторопливо и монотонно, однако и он предполагает неожиданные вопросы, обращаемые к аудитории.

Конформная растерянность учащихся может при информационном вакууме повлечь возникновение «толпы» с общей Мы-концепцией — толпы, которая отражает риторическую атаку. Это повод для немедленной смены речевой организации микроструктуры урока. Аудитория находит лидера, и с его позиций обращается к ней учитель. Меняется ритмико-интонационный рисунок фразы, и новый эмоциональный статус аудитории при достаточно яркой информации создаёт «харизму» учителя: каждое слово в этот момент воспринимается как категорический императив. Аудитория, слыша действительно важный для неё диалогический посыл, готова следовать за носителем «фактора альфа». Однако она готова не к диалогу, а к безотчётному принятию информации; важно, чтобы реалистическое пафосное начало («Я-как-истинное») не оказалось психологически внешней педагогу категорией.

Этап романтического подъёма аудитории — разговор с ней с восходящей позиции, но при этом идеал не тождествен говорящему: тот доказывает слушающим его возможность и достижимость, призывает отправиться с ним к поставленной цели. Нельзя оставаться на констатирующем уровне: нужен именно призыв — корректный, властный, чёткий, ставящий реально достижимые цели. Единый темп информирования, предельная лаконичность «командирской» речи учителя (апеллятив — только фамилия, требование — не более объёма стихотворной строки), логическая подоплёка его действий вместо прежней непредсказуемости необходимы. Преобладает положительный настрой, восходящая аргументация, с ребятами учитель говорит так, будто они уже достигли предполагавшегося высокого уровня. Для этого всегда предусматриваются реальные цели, не отстоящие от класса (вечерний «костёр», турпоездка, поход), через которые уровень-сверхзадача достижима в действительности. Если применена технология подавляющая — срочно необходима восстанавливающая. Доброжелательность и предусмотрительность не изменяют учителю: он стремится к коллективу, а не к асоциальной группе!

Риторическая редукция (модификация собственного мнения, допускающая его противоположность) может рассматриваться и как элемент децентрации, и как форма уступки (риторика: «concessio») с дальнейшим приведением к собственной точке зрения. При этом

педагог использует диалогическую структуру предупреждения («Но вы скажете...»), предвосхищая возражение. Видя настороженность ребят при изложении материала, учитель иногда сообщает точку зрения на явление, которой пока придерживается класс. Можно сделать это уже и в ходе диалога, внешне лишь помогая оппонизирующему или пытающемуся увести от темы учащемуся.

В случаях, когда продуктивное общение почти невозможно, когда собеседник готов перейти или переходит на оскорбления, актуальна разработанная М.Е.Литваком коммуникативная модель психической амортизации (редукции). На речевом уровне — риторическая. Она предполагает немедленное согласие с любым высказыванием оппонента, в том числе с нелепым и заведомо бессмысленным. Новосельцев в «Служебном романе» в ответ на тираду Людмилы Прокофьевны: «Мало того, что вы враль, трус, нахал, вы ещё и драчун...» произносит обезоруживающее: «Да, я крепкий орешек». Разгоряченный первой в жизни неудовлетворительной оценкой, ученик, ошалевший от собственной дерзости, принимается истошно кричать на учительницу, выкрикивая оскорбления. «Вот такая уж я плохая», — улыбаясь, сообщает она в заключение. Надо ли говорить, что с этой минуты её авторитет был для этого класса непререкаем, а влюблённость бывшего оппонента сделала его коллегой той самой учительницы...

Немедленное согласие разрушает подсознательно складывающийся коммуникативный сценарий, и доминирующая позиция в общении переходит к тому, кто не стал ни возражать, ни доказывать. Так недолгое молчание действительно становится «золотом». Риторическая (психическая) редукция очевидна в поступке некоего гвардейца, пытавшегося ускользнуть от Великого князя Михаила Павловича (Охлябинин С.Д. «Из истории русского мундира») по причине неопорядка в мундире: каска вместо фуражки. Когда Михаил догнал сбежавшего гвардейца, тот на резкий вопрос о том, куда он идёт, ответил: «На гауптвахту!», что значительно смягчило суровость выговора. Другой случай риторической редукции очевиден из биографии Эдгара По, ставшего впоследствии знаменитым писателем-психологом:

Он не всегда слушался мистера Аллена, и однажды, когда ему грозило суровое наказание, явил необыкновенную для пятилетнего возраста находчивость. Он попросил мистрис Аллен заступиться за него, но, когда та сказала, что она не может в это вмешиваться, он вернулся в сад, собрал хорошую связку прутьев, вернулся домой и молчаливо протянул их мистеру Аллену. «Это зачем?» — спросил тот. «Чтобы высечь меня», — ответил мальчик, сжав за спиною руки, подняв голову и пристально устремив на своего блюстителя напряжённый взгляд больших потемневших глаз. Как и предвидел пятилетний Эдгар, мистер Аллен был побеждён этим мужеством.

Приём безупречен: его невозможно парировать, на него нет ответа. Но мы, в крайнем случае выслушав оскорбительную тираду, резко интересуемся: «И что дальше?» — Слова обычно находятся и для продолжения. А важно именно согласиться, чтобы обезоружить оппонента, и выстроенная на ответном крике модель нашего требуемого поведения споткнётся о наш другой, сугубо логический ход. Он не предвосхищён, а когда изменяет антиципация, — лужа кажется оврагом, а овраг укрытием. Когда, удивленный немедленным «поражением» старшего, учащийся завершает становящуюся монологической речь, педагог требует продолжения, а убедившись в его отсутствии, излагает свою позицию без какого-либо некорректного опровержения

Риторической редукцией блестяще пользуется Ф.Н. Плевако: признавая, что он опоздал на судебное заседание по поводу несвоевременного закрытия лавчонки её полуграмотной хозяйкой, он медленно предлагает сверить часы: опоздал, подвели! Но оказалось, что у всех часы показывают разное время. «Могут ли у полуграмотной небогатой женщины они быть точными?» — интересуется он, показывая «отставшие» золотые. Согласился, что опоздал, — тонко продуманный ход помог выиграть процесс.

«Ситуации быстрого реагирования» требуют колоссального напряжения всех духовных сил учителя: мы принимаем позиционные уровни, которые нам не присущи психологиче-

ски. Но важно, крайне важно, чтобы «пикировка», состоявшись однажды, сделала оппонентов собеседниками. А как можно быть добрым, не умея быть сильным?